

Лидия РЫБАКОВА – поэт, прозаик, член Союза писателей России, Союза журналистов России, Союза писателей-переводчиков, Международного общества им. А.П. Чехова, Международной гильдии писателей.

Лауреат российских и международных литературных конкурсов, участник международных книжных выставок, слушатель школы Букеровских лауреатов в Милане. Стихи и проза печатались в литературных альманахах, журналах, в том числе зарубежных. Издано несколько сборников стихотворений, в том числе: «Прилив и отлив», «Лилит», «Неприкаянность»; поэма-сказка «Янтарный замок», «Стрела Зенона». Стихи переведены на болгарский, немецкий и венгерский языки.

КАИН

Три возраста. Три взгляда изнутри.
Обида – юность. Зрелость – гнев и ярость.
И покаянная, стыдящаяся старость,
молящая: прости и прибери...

1.
Когда тебя не любят – не хочется жить.
В недобром мире темно.
В плену у волн морских – больше нечего пить,
и пусто твоё окно.
Но кто-то должен быть виноват, если боль
везде, как жена, с тобой...
Винить любимца глупо: он взял эту роль
из рук Твоих, Боже мой.
О, как легко на горних высотах святых
судить чужую беду!
Но души наши слабы в руках непростых –
и в руки Твои иду...

2.
Любимцем Господа был брат.
Не он был в этом виноват.
Но он был рад!
Да, он был рад.
И я об этом знал.
На луг он гнал свои стада,
а у меня была страда.
Он иногда,
лишь иногда,
мне издали кивал.

Он улыбался, песни пел,
и снисходительно смотрел –
а я пахал,
всегда пахал!
И солон был мой пот.
Помочь ни разу не просил,
один я в поле грязь месил,
и рвал пупок –
я рвал пупок!
И надрывал живот.

Брат, усмехаясь, говорил:
– Какой ты грязный – где ты был?
Напрасный пыл,
излишний пыл
не нужен никому.
Ты думаешь, за вечный труд
тебя полюбят и поймут?
Какой чудак!
Смешной чудак... –
Совсем не по уму!

О, как я верил, как я ждал!
Но прав был брат. Он словно знал...
Как он сказал?
Он так сказал:
– Любим всегда один!
Лишь тот, кто мил – тот и хорош,
а кто не мил – тот стоит грош,
ему цена
всегда одна –
он нежеланный сын!

И возмутилось всё во мне:
ближайшей ночью, при луне,
среди полей,
пустых полей,
я брата подстерёг.
Рука в крови, душа в тоске,
и тело брата на песке.
Я был жесток –
как Ты, жесток!
Я мерзок – или рок?

Нет, я прощенья не ищу,
и сам себя я не прощу.
Я заслужил,
всё заслужил –
но, правды не тая,
Скажи, мой Бог: а гордый дух
не Ты ль дал – одному из двух?
Я виноват.
Да, виноват!
Но разве – только я?

3.
Ты виновен, пока ты помнишь.
Ты прощаешь в момент забвения.
Вечность – совесть и привидения,
дай, о Господи, мне смирения.
Ты ли душу мою омоешь?

Утомлённым бреду скитальцем
на восток от Эдема – странником,
незабытым молвою данником,
и на лике Земли – изгнанником,
а века – как вода меж пальцев.

Неужели не будет срока
для прозрения и раскаянья?
От надежды и до отчаянья,
проклинаемым всеми Каином,
ухожу со стези порока.

Вечность памяти. Вечность бдения.
Вечность боли – во искупление.

ВРЕМЯ ПРИШЛО СОБИРАТЬ КАМНИ

Время пришло – собирать камни,
дарить негасимый свет.
Он холст натягивал на подрамник.
Смешивал нужный цвет.
В мире внутреннем вечный странник,
искал достойный сюжет.

У входа топталась девчонка смешная.
Юбка выше колен.
– Уйди! – сказал он сердито. – Знаю:
искусство не терпит измен.

Прежде он о себе не плакал,
знал: жалеть себя – блажь.
Он стряхивал пепел неловко на пол,
очинивал карандаш
и слушал, как кран неисправный капал
дождиком на витраж.

В дверь женщина стройная громко стучала,
солнцем в глазах маня.
– Уйди! – сказал он сердито. – Мало
времени у меня.

Утро дрожало в стекле оконном
одиннадцать тысяч раз.
Секунды мелькали отрядом конным –
им дали команду фас.
Камнем серым и многотонным
время давило нас.

Старуха понурая прочь уходила.
– Ты что-то хотела, мать?
И кто ты?
– Да Муза, вообще-то, милый.
Но, знаешь – устала ждать.